

А ЗДЕСЬ ТИХИЕ...

В 1940 году в журнале «Юность» была напечатана повесть Бориса Васильева под таким названием. Она рассказала о том, как пять девушек из эсэсовского отряда во главе со старшиней Васковым двинулись в погоню за двумя немецкими диверсантами. Пошла за двумя, а диверсантов оказалось шестнадцать. Старшая Васков уберечь девчат, но они погибли в бою. А старшина, потрясенный изгибом, довел бой до конца. И победил...

В Русском театре им. Горького режиссеры Ю. Любимов и Б. Глаголин поставили спектакль по своей инсценировке. Художники — Д. Боровский, Л. Дестер. Музыкальное оформление — Ю. Буцко.

ГУЛЯЮЩИЕ в фойе тихо переговаривались о том о сем, а иные — что спектакль этот перенесли из Театра драмы и комедии на Таганке и что перенесен он целиком, «с запятыми»: инсценировка, постановка, оформление и музыка — все оттуда.

Сомневались: а можно ли готовый спектакль из такого своеобразного театра, где почти каждая постановка становится событием не только театральным — общественным порядком, — можно ли вот так взять и перенести этот спектакль в другой театр. И легко ли придется актерам, не подготовленным к художественной манере Юрия Любимова, с иной школой, воспитанных на совсем другом репертуаре?

И добавляли, что, правда, за последние годы побывали в Русском театре многие и разные режиссеры, но что видели спектакли Театра на Таганке, подмечали Юрий Любимов не похож на кого, а требует он от актера быть во всеоружии, «ценительской культуры» — и не меньше. Но это только первое, начальное требование...

И сидели на том, что дерзость отчаянная...

...Варуг у самого входа в зал, прямо здесь, в фойе, зарезала сирень! Ее заставил реветь коренистой старшина, неожиданный среди — нерядной толпы, но почему-то удивительно умелый. Наверное, потому, что крутил он свою сирень деловито, не поднимая глаз, и сухо бросал: «В зал! В зал идите!»

На лицах зрителей растерянные улыбки: старшина — актер, это понятно, да вот — бой сирени... от него всегда как-то уютно. На сцене — ничего, ничего, армейской полтурки... Потом сиренет свет, и в темноте, печатая шаг, пройдут солдаты и, торопясь, будут вскакивать в полтурку, а, усевшись, закинутся до правого, до левого — поехали, значит... «Утро красит нежным светом...» — запоют высокие девичьи голоса.

И станет старшина Васков изумленно рассматривать свое знепьющее пополнение, девчонки-солдаты.

А потом будут они заниматься строевой: — Катенька, ты не с левой руки, с левой ноги начинать идти... Крутом!

...В последний военный год дошла и до нас, старших солдат, в большом воинском городе, черед изучать военное дело. Устройство радиостанции РРУ, занятия в радиоклассе и строевой. Класс — взвод. Рядовой, десятилетний гвардеец ефрейтор Иван Иллмов, увлеченный под чистую по инвальной, сцепил зубы, переломив нежный искус слухов, немцы шло: деловитости не позволяла ему гаркнуть на нас или просто власть умиротворять, а надо было гаркнуть, ох, как надо...

Староста Лидя Усова была помощником. Мы, ухмыляясь, пелили шаг и помыслили «малыньков» ботинках, а Лидя свирепым голосом умоляла: «Е-е-е-очки, нале-е-е-о!»

Только теперь, узнав Фадота Васкова, я поняла, почему таким угрюмым и смущенным был наш главный ефрейтор: он, солдат, знал, и чему готовил эти смешливые девочки, ему, солдату, хоть и израненному, тяжело, горько было... Они же матери будущие тоскуют Васков... Это что ответить, когда спрашивают: что же это вы, мужики, как наших от пуля защитить не могли? Что же это вы со смертной их охотой, с этим членением? Станет терять от себя, сам кровью истекающий, и вопрос этот будет для Васкова больнее раны и горше трибунала.

Но до этого еще далеко, это будет в конце, а пока хмурый Васков тчетно ищет в уставе, где еще все есть распоряжения и приказы, как-нибудь указаний о «военнослужащих женского пола».

Васков — Юрий Стулков. Медлительный, негибкий, небойкий, по-крестьянски обстоятельный, добросовестный. Так, приучен, что стоит. Глубочайшее чувство ответственности проявляется поначалу в этой его мушкетерской основательности, достоянности: так ли девочки портянки заматали да как хэрч «навернули». Не очень райкообразен словарь у Васкова, четыре класса всего, а у этих, может, и все семь — ого! — да и побольше... Уважает Васков ученость своих подчиненных, и следы они толкуют: «Сбили, сбили ведь самолеты».

А мы и не заметили, как оказались «танутыми» в этот бой. «Воздух!» — и тишина, а потом прожекторы осветили зал, снова темнота, снова раздумчивый шепот в глазах, и снова тыня и вой горящего самолета. Удивительно, как сразу заведет насчету этих «условностей». Важное дело — настоящие театральные условия, чего только она не может выразить: театральные фонари-книстолеты — и вот уже мы поверили в прожектора, четыре доски — грузовик, подняли повыше — баня, и девушки-солдаты моются. И столько в них жмичи, и

радости, простой радости живого «человеческого существа! Война — а для них вот минутка радости выпала...

А то еще услышишь они радком на самый краешек сцены, светит ноги в кирзачах и заплюют — протяжно, раздумчиво, тоскливо...

Неизвестно, в какой момент, но только очень рано, возникло в зале горячее ответственное переживание, потому что со сцены в зал ринулся поток человечности, сердечности, поэтичности. И возникло электрическое поле такой интенсивности, что зритель стал — не на словах, буквально — соучастником спектакля.

И мы немедленно поверили, что доски — грузовик, они же, подняты на тросы, с демонстративно натыртым номером полтурки, — лес, они же — болотная трясина и укрытие для бойцов. И не нужно делать никаких усилий, чтоб поверить в истинность, чтоб забыть, что все это — только прием. И прием — не новый. На конкретное исполнение, осмысление делают его предельно красочным. А когда девчата скажут вслед за Васковым, чтоб согреться, скажут под гремевший канарийский марш, когда дрожат, сбившись в комки, в непроходимой трясине, когда кружится смертный коровод в лесу: девушки — арги, в четком ритме, когда на заиграной светом сцене (до того все время бывшей в полумраке) появляется Женя и, отводящая немцев, поет «Катюшу», и снова мелькнул Женя — немцы, Женя — немцы, — тогда этот «кинематографический прием», а именно «условность» приобретает такой эмоциональный заряд!

Когда Васков и пять девушек отправляются в лес искать двух диверсантов, а обнаруживают, что так — шестнадцать и что предстоит смертельный бой, тогда и нас заставляют все приставлять, а именно: в этих шестерых, Васкова и девушек, разглядеть их человеческую неповторимость. Высокую человечность Васкова, нежность, женственность и женскую же стойкость, женскую жертвенность, женскую беззащитность девушек-солдат. Их юность, их бесстрашие.

И вот уже они для нас не просто пять девушек, а Рита Осенина, замкнутая и справедливая (Б. Масумян), окаянная Жанька Копельцова, забубенная головушка, красавица, славношавшая адоволь военного горя (О. Клебанович), почти подросток Гая Четвертак, пробирающаяся на фронт (И. Гарикуша), деликатная Соня Гуревич (Л. Арзбасова) и сноворотная девчонка с брянского кордона Лиза Бринкина (Н. Чехомурова). Для нас и для Васкова они все больше становятся в бою не только соратницами, а сестрами...

Так и назовет он их в последний час сестренки, а они его, как мать, называли... Осеней. И чем дороже и ближе они становятся друг другу и нам — тем горше их гибель. Каждый их предсмертный стои — как личное горе. Вот тогда-то кончатся в спектакле планшеты, старые русские песни: гибнет одна из девушек — и все они, и она тоже, ты, что уже умерла, поют вместе с Васковым. Здесь — нуль — нация — трагедия, участницами которой мы стали. Автоматная очередь — «ОТДАДУ ЖЕНЕ ЗАМУЖА» — и деревню чуточку, деревню болячку...

Очевидно — и... «На мучной горькой, кукушечка...» Так унеси с собою образ спланил: девушки и Васков, принахисшие и досады-деревни. И песни-песни о погибшей юности. А потом плач кружится в алалее деревьев, с ними — девушки, а потом все один деревня все быстрее кружится, а уальс все звучит, и Васков, уже любезничая, выигравший, наносит последний бой, отомщенный, глухой, горько зарывает.

Так и не ставится последняя точка в спектакле. Кружится, кружится деревья. Звучит, кричит вальс, безудержно плачет Васков.

А завтра все будет снова: «Утро красит нежным светом», а потом «ОТДАДУ ЖЕНЕ ЗАМУЖА...» И прожить это потребуют снова и в полную силу, потому что придет в театр новый зритель, который не бывал в Таганке, и женщины во всем расскажут ему о том, что «зори здесь тихие-тихие...» И замечать эти зори для нас.

Потому, думаю, вопрос о том, стоило ли переносить спектакль в Минск, — решается сам собою. За это переболели тысячи зрителей, уже посмотревшие этот спектакль.

Видно, не стоит детально разбирать постановочное решение спектакля — оно многократно описано и, наверное, станет хрестоматийным.

Театру нелегко достался спектакль. Актерам и сейчас очень трудно прожить его.

Русский театр им. Горького не станет копировать все спектакли театра на Таганке. Но, наверное, после этого спектакля жить в театре станет намного сложнее. И интереснее...

Все ли благополучно в минском спектакле? Жаль, но не все.

Сирень, вынесенная в фойе, ревет, загоняя в зал зрителей, и зрители без улыбки — как-то ма расползается зловещий рев сирен, улыбки, — поспешно занимают кресла. Тут бы и начесть, на растерянные наивные тревожные ожидания зала... Нет! свет горит, и гнется, тянется томительное ожидание...

И это — в ритмически идеально выверенном спектакле.

Да и еще...

Но как не хочется говорить о частностях...

ВЫХОДЯ из театра, мы остановились: между колоннами в пяти гильзах горел огонь. Тихо вылились язычки пламени. И вдруг один задуло ветром. Молодецкий лейтенант, уже спустившийся с лестницы, вдруг, оставив друга, вернулся, поправил фляжку и зажег его. Постоял, последил, что горело...

Л. БРАНДОВСКАЯ.

ЮРИЙ ЛЮБИМОВ

22 АПР 1974